

Сергей ИВАНОВ, писатель

Думаю, это везение

Я долго не знал, что стану литератором. Вообще, не знал, кем мне быть. Правда, в раннем детстве беззаветно мечтал стать пастухом: городская, столичная наша семья в сороковые годы жила в Подмоскowie, в поселке Заветы Ильича. Через много лет, когда мне представилась журналистская возможность побыть подпаском у замечательного человека Егора Петровича Нилегина, который коров своих знал лучше, чем иной учитель класс, я убедился, что моя детская мечта не была такой уж комичной, как может кому-нибудь показаться.

Часто в моей жизни решающую роль играл случай, причем не всегда счастливый. Но бывали и везения. В конце школы, к ужасу родителей (а они у меня были инженерами), я вдруг стал сочинять. Учился я не блестяще. С великими трудами мне удалось поступить в пединститут. Это было полной нелепостью с моей стороны: во-первых, заика; во-вторых, я всегда побаивался школы, пионерских лагерей, из детского был изгнан за бесконечный рев по маме...

Но выучился, отработал положенные три года. Хотя точно знал: это не мое. Зато пять вольных институтских лет дали мне полную возможность писать: стихи, прозу, все подряд. Пуды заполненной словами бумаги и теперь хранятся в доме моего детства. Поначалу мыслей о публикациях не было. Нравилось само это дело.

Очень скоро я узнал, что мои писания никому не нужны в принципе. Сохранилась рецензия некоего литературного... не генерала, а так — подполковника. В ней мои стихи уличали в безыдейности, пошлости и всем прочем, что «полагалось» в середине шестидесятых.

Огромную роль в моем профессиональном становлении сыграли произведения А. Алексина. Помню, с какой жгучей радостью прочитал «Очень страшную историю». Был почти изумлен возможностью печататься и в то же время говорить абсолютно свободно, талантливо, правдиво... Недавно взялся перечитывать Алексина и вдруг увидел, сколько у Анатолия Георгиевича «моего»... только написанного лет на десять раньше, чем я вообще взялся за перо!

Стал писать детское. По счастью, оказалось, что у меня есть тут способности. Потом понял: это вообще мое. Хорошие люди отвели меня в издательство «Детская литература», в тогдашний Детгиз. Вот уже двадцать лет пишу для детей и свою основную задачу вижу в поиске так называемого положительного героя. Но

не из конъюнктурных соображений. Я всегда стремился показать читателю возможность выхода даже из самых тяжелых ситуаций. Мои книжки 70-х годов имели «оборонительную тенденцию». Я пробовал рассказывать ребятам, как можно и должно защитить честь, совесть, чистоту в те суровые для этих человеческих качеств времена. Потом стал писать все более решительных и боевых героев. Наверное, было предчувствие перемен. И хотелось хоть как-то их приблизить.

Одна из таких повестей, о третьекласснице Тане Смелой (это ее фамилия), выходит в будущем году! Сколько же я страдал по ней в 86-м—87-м годах. Эх, думал, опоздает книжечка, уже все сражения закончатся нашей полной победой. Теперь понимаю: процесс борьбы за лучшее, за обновление бесконечен.

Я уже почти совсем не молодой человек, но стараюсь бегать кросс и купаться в проруби. И пока работа идет, хочется делать ее качественно, по-новому. Заканчиваю сборник фантастических повестей и рассказов для ребят, чего никогда раньше не пробовал. Написал несколько песен, и ТЮЗы, кажется, начинают ими интересоваться. Думаю пойти на телевидение: есть идея детской передачи... В свое время я написал два романа для взрослых. Но в душе еще осталось много неиспользованных «взрослых» струн, думаю о новом романе.

Главным же своим делом сейчас считаю публицистику. В заметках, которые скоро будет печатать журнал «Пионер», хотел сказать ребятам жесткую правду: про свое долго молчавшее... помалкивавшее поколение. Про то, что сейчас происходит в стране, в мире. В начале будущего года поеду в Армению. Хочу и должен помочь моему читателю разобраться во всем, что там было и есть.

Я с огромной гордостью узнал о присуждении мне Государственной премии России. Уже хотя бы потому, что у меня были такие поистине блестящие предшественники. Но я и понимаю, что во многом это случайность — счастливая на сей раз. Ведь рядом со мной детские писатели, до которых мне тянуться и тянуться. А многие из них вовсе без наград. Это несправедливо! По понятным причинам не решаюсь тут перечислять имена... И все же одно имя назвать я должен — Николая Рубцова. Несомненно, он прежде всего большой взрослый поэт. Но даже за те несколько детских стихотворений — исполненных великой человечности, нежности, силы — он достоин самой высокой награды!..